

СУДЬБА РУДОЗНАТЦА

В конце XVII — начале XVIII в. перед молодым царем Петром I стояла грандиозная по масштабам задача. Необходимо было провести не отдельные, частные реформы, не простое улучшение функционирования государственного механизма, а его коренное, радикальное изменение. Это требовало огромных финансовых расходов. Но Российское государство как и прежде полностью зависело от привозного европейского серебра и других металлов, наполовину — железа, главным образом шведского и английского и в этих условиях поиск полезных ископаемых становится делом государственной важности. 24 августа 1700 г, выходит именной указ об учреждении приказа Рудокопных дел «золотыя и серебряныя и иных руд дела ведать»¹, а вслед за ним ещё один — о прииске золотых, серебряных, медных и иных руд по всей территории России, о награждении учинивших таковой прииск частных людей и о нечинении им «никаких обид» (документ № 1). Таким образом, законодательная основа для рудоискательства была оформлена.

Особенность сибирского рудоискательства в XVII в. заключалась в том, что основным поисковым признаком, по которым находили рудные месторождения, были остатки древних горных выработок: ямы, шахты и отвалы вокруг них. Эти хорошо видимые на поверхности разработки первых рудокопов сибиряки называли «чудскими копиями», считая, что их оставил легендарный народ «чудь». Сибирские рудознатцы были не столько геологами, сколько археологами, занимаясь одновременно не только поисками заброшенных древними рудокопами шахт, но и «бугрованием» — поисками и раскопками древних курганов².

Рудоискательская деятельность в Среднем и Верхнем Приобье и Среднем Притомье в 20-х гг. XVIII в. связана с именами Степана Костылева и его «товарищей»: Михаила Волкова, Леонтия Останина, Федора Комарова (Комара) и Ивана Горбуна (Горбунова).

Из доношения Степана Костылева 1720 г. мы узнаем интересные подробности начального этапа этой деятельности. В 1717 г. Степан Костылев предпринял попытку, основываясь на разрешении сибирского губернатора М. П. Гагарина, набора «охочих людей» в Коркиной слободе для поиска «руды серебряныя, медныя, железныя и иных; и слюды; и в курганах вещей». Приказчик Коркиной слободы Константин Захаров «охочих людей... не дал и руд искать не велел...». В 1718 г. Степан Костылев прибыл в Томск и «приискал товарища Ивана Горбуна». В 1719 г. он подал челобитную коменданту Василию Козлову «отпустить» его и «товарища Горбуна искать в Томских урочищах руды». В доношении Степан Костылев жаловался на самоуправство Константина Захарова и Василия Козлова, просил разобраться, своего товарища Ивана Горбуна

просил определить к рудоискательскому делу, а ему самому назначить жалованье (документ № 3).

В 1734 г. в доношении руководителю Канцелярии главного правления Сибирских и Казанских заводов Василию Татищеву Степан Костылев сообщал, что «в прошлом 1720-м г. в Томском уезде обыскал я, низайший, с товарищи моими Михаилом Волковым, Леонтеем да Макаром Останиными, Федором Комаровым выше Томска по Обе и по Алею рекам... медные руды» (документ № Ю).

Таким образом, начало деятельности Степана Костылева связано с Коркиной слободой (ныне город Ишим Тюменской области), где он пытался собрать команду «охочих людей» для поисков серебряной и медной руды. В переписной книге 1710 г. по Коркиной слободе в деревне Максимовой указан Степан Григорьев сын Костыль 30 лет вместе с сыновьями Яковом и Степаном. Нет никаких сомнений, что упомянутый в этой переписной книге Степан Костыль и есть рудознатец Степан Костылев. Совпадают имена детей и их возраст. То, что вместо фамилии здесь указано прозвище, наводит на мысль, что и Ивана Горбуна правильнее назвать Иваном Горбуновым. Отличие материалов этой переписи от других источников, например крестьянских книг, в небрежном написании фамилий или в полном их игнорировании переписчиками.

В ведомстве той же Коркиной слободы в деревне Фирсовой проживали в 1710 г. еще несколько известных рудознатцев: Матвей Дмитриев сын Кожевников (он же Кудрявцев, он же Устюжанин) 40 лет с сыном Петром 2-х лет. Следующим в той же переписи шли Иван Денисов 50 лет с сыном Петром 15 лет и Андрей Трифонов с женой Софьей и дочерьми Катериной и Марьей⁴. Первые - это известные рудознатцы Иван и Петр Шелегины, второй - брат Леонтия Останина.

В августе 1717 г. в донесении кузнецкому коменданту Б. А. Синявину приказчик Белоярской крепости Степан Серебрянников сообщал, что «приезжали сюда в Белоярский Чаусского острога восемь человек: Михайло Волков с товарищи и просились здесь в Белоярском жить, и я их не принял и отослал назад в Чаусский острог...»⁵.

То, что речь в этом документе идет о рудознатце Михаиле Волкове, не вызывает никаких сомнений. К сожалению, нам неизвестны имена всех восьми человек этого похода, но имя Дорофея Веснина также встречается в переписной книге Коркиной слободы 1710 г. в той же деревне Максимовой, где проживал Степан Костылев. Оброчный крестьянин Дорофей Афанасьев Веснин сорока лет проживал в д. Максимовой с женой, сыном Андреем и дочерьми⁶. Следовательно, и Михайло Волков может быть связан с Коркиной слободой.

В дополнительной переписи 1721 г. тех, кто явился после первой ревизии 1719 г., в деревне Гуселетовой ведомства Бердского острога указаны крестьяне

Максим и Иван Михайловы Волковы, «родом Сибирской губернии Тобольского уезду Коркиной слободы», которые заявляли, что жили «во крестьянх» и написаны в переписных книгах 1719 г. в Коркиной слободе⁷. Материалы первой ревизии 1719 г. по Коркиной слободе нами не были обнаружены, а в переписной книге 1710 г., этих Волковых там не оказалось. Нашлись они гораздо западнее, в Красномысской слободе⁸. В 1710 г. в ней (ныне село Красномыльское Курганской области) жил крестьянин Михайло Аверкиев сын Волковых 50 лет с детьми Михайлой 30 лет, Максимом и Иваном⁹. То, что этот Михайло Волков из Красномысской слободы - отец Максима и Ивана из д. Гуселетовой подтверждается дополнительными сведениями. Иван Волков сообщал, что живет у брата Василия Поклонова, а в Красномысской слободе жил в 1708 и 1710 гг. Семен Аверкиев сын Поклон 70 лет с детьми Иваном, Василием, Мартыном и Феофаном¹⁰. Таким образом, Иван Волков и, соответственно, Максим Волков приходятся Василию Поклонову не родными братьями, а двоюродными.

Остается один вопрос: кто же из двух Михайлов Волковых, отец или сын, идентичен рудознатцу Волкову. Возможно, это был младший Михайло Волков, т. к. его возраст (30 лет в 1710 г.) полностью совпадает с возрастом Степана Костылева - они ровесники-одногодки, между ровесниками вполне естественна дружба-«товарищество». Однако не исключено, что это был старший Михайло Волков; по крайней мере, 1-я ревизия 1719 г. в Красномысской слободе не зафиксировала Михайлу Аверкиева Волкова и его детей¹¹.

Попробуем восстановить жизненный путь Михайлы Волкова до 1717 г., исходя из предположения, что рудознатец Михайло Волков идентичен Михайле Михайлову Волкову. Родился Михайло Волков, вероятнее всего, не в Красномысской слободе, а прибыл туда вместе с отцом в 1690-1700-х гг. В 1708 и 1710 годах жил там вместе с отцом, который числился пашенным крестьянином. В период между 1710 и 1717 гг., он переселяется вместе с братьями и отцом в Коркину слободу. Здесь он знакомится со Степаном Костылевым, а затем, вместе с ним в 1717 г. переселяется в Томский уезд, где его приписывают к Чаусскому острогу. Чаусский острог (ныне г. Колывань Новосибирской области), основанный в 1713 г. на берегу Оби, в то время пользовался славой одного из крупнейших центров сибирского бугровщичества. Через Чаусский острог шла дорога из Приишимья в Томск, отсюда, вдоль Оби на юг, дорога вела к Бердскому острогу, основанному в 1716 г. и дальше на Алтай.

Дальнейшая биография Михайлы Волкова частично переходит из области предположений к области фактов.

В 1717 г. Михайло Волков с «товарищами», среди которых был Дорофей Веснин, а также Степан Костылев, Леонтий и Макар Останины и Федор Комаров, отправились из Чаусского острога на Алтай, к Белоярской крепости, для поселения на новых землях. Белоярская крепость была основана в том же

1717 г. Вероятно, поселившись здесь, Михайло Волков с «товарищами», рассчитывали расширить зону своей рудоискательской деятельности. Без сомнения, Михайло Волков был главным в этой группе, иначе для приказчика Белоярской крепости не имело бы смысла называть только его имя, а остальных просто его «товарищами». Вследствие действий приказчика Белоярской крепости эта группа вынуждена была пойти дальше на юг «вверх по Оби-реке под Чемры» и дальше на Алей. Все левобережное Приобье современного Алтайского края во время постройки Белоярской крепости еще считались владениями кочевников-телеутов, поэтому движение по этой территории для русских людей было предприятием весьма опасным.

Сказать что-то определенное о том, что делал М. Волков после этого похода и до экспедиции на Алей не представляется возможным. Из показаний Степана Костылева известно, что Михайло Волков вместе с ним и товарищами «обыскал ... выше Томска по Обе и по Алею рекам в Алейских горах в шести местах медные руды»¹². Барнаульские исследователи, без сомнения, правы, считая, что С. Костылев ошибался, называя временем экспедиции на Алей 1720 год (по их мнению, экспедиция состоялась в 1719 г.). Тем более что у С. Костылева, исходя из его же показаний, были причины скрыть истинную дату экспедиции.

Михайло Волков, двигаясь к югу, дошел до верховий Иртыша (р. Убы), где находился с 1717 по 1720 гг. либо постоянно, либо наездами. Со слов С. Костылева известно, что М. Волков ездил с артелями «бугровать верх по Иртышу реке» и даже находил здесь чудские копи. «От устья убинского езды дней с пять видели чудские старые копи, а в копиях обретается руда признаком золотая»¹³.

Таким образом, честь первооткрывателя рудных месторождений на реке Алее принадлежит в первую очередь Михаилу Волкову, а не Степану Костылеву, последний являлся по большей части лишь доносителем о рудах. В 1720 г., по словам самого Михаила Волкова, он «*был в Омской крепости для звериного промыслу*» (с верховий Иртыша попасть в Омскую крепость не составляло большого труда). Здесь он «*... сказал за собою государево слово и дело из Омской крепости прислан в Тоболеск и подал доношение о прииске руд в Томском уезде ниже Томска верст семдесят на реке Шагарке да вверх по Обе на реке Поросе и во всем Томском уезде по рекам же*»¹⁴.

Из Тобольска вместе с рудным мастером Федором Инютиным его посылают в Томск, оттуда в Чаусский острог, где он занимается поисками руды. Тогда же отправляется вверх по реке Томи к Красной горе и находит и берет «сверху той горы горелой земли», т. е. находит месторождение каменного угля. Затем едет в Томск, а оттуда в Тобольск и «объявляет ту руду» в Тобольской губернской канцелярии (октябрь 1720 г.). Руда была отправлена для освиде-

тельствования в Берг-коллегию, резолюция которой гласила: «Против доношения Михаила Волкова о рудах конечно велеть исследовать и розыскать, и ежели явитца руда добрая, доносителя против привилегии наградить...»¹⁵.

Таким образом, Михайло Волков не был в Преображенском приказе в Москве как отмечают вслед за Веймарном авторы художественных произведений.

Из Тобольска в мае 1721 г. вместе с Петром Брофцыным (Бривцыным) и Никитой Петровым Михайло Волков направляется для исследования месторождений обратно в Томский уезд. Результатом этого исследования явилось известное донесение М. Волкова, С. Костылева и П. Брофцына в Сибирский обер-бергамт о нахождении месторождений руд и каменного угля.

Экспедиция П. Брофцына вернулась в Кунгур 10-12 февраля 1722 г. Донесение, реестр руд и образцы были посланы в Москву. Волков и Костылев до получения ответа из Берг-коллегии были направлены к горным работам на Подволошный рудник, находившийся неподалеку от Уктусского. Берг-коллегия, разбирая донесение Патрушева и Блиера из всех перечисленных там находок: железной, свинцовой и медной руды, а также хрусталя и специальных глин, главное внимание обратила на каменный уголь. Она тут же выдвинула вопрос о практическом использовании найденного Волковым минерального топлива и потребовала представления подробных данных о возможности транспортировки каменного угля для промышленных целей на Уктусские заводы и рудники¹⁶.

Степан Костылев сообщал, что Волков был направлен «на Григоровский рудник в Пермь» и оттуда бежал¹⁷.

Удалось обнаружить документ, уточняющий место и время побега М. Волкова. Это - доношение от 21 февраля 1724 г. комиссара Матвея Ловзина о производстве при принадлежащих к Пыскорскому заводу рудниках работ, адресованное руководителю Сибирского обер-бергамта генерал-майору В. де-Геннину. В своем отчете Ловзин отмечает: «В прошлом году бежали доносители о рудах сибирския жители города Томска Михайло Волков, да Белуторской (Ялуторовской - И. У., В. В.) слободы попов сын Михайло Протопопов...» (документ № 8).

Сообщение о том, что Михайло Волков «сибирский житель города Томска ...» не противоречит нашей версии происхождения рудознатца, так как Чаусский острог, к которому он был приписан, относился к Томскому уезду, и в делопроизводственных документах начала XVIII в. жители уезда не отделялись от жителей города, к которому этот уезд относился. Например, тот же Степан Костылев в документе 1734 г. назван «томским жителем рудоискателем...»¹⁸.

Населенный пункт Пыскор (расположен в 11 км от г. Усолье) основан Строгановыми в 1558 г. как крепость. В 30-х годах XVII в. здесь казной был по-

строен медеплавильный завод - один из первых на Урале. Медную руду для плавки привозили с Григоровского рудника и других мест. В 1657 г. завод был остановлен за «выработкой руды». Прибыв на новое место назначения, генерал-лейтенант В. де-Геннин лично осмотрел означенные места в Соликамской провинции и засвидетельствовал, что «в той горе медного шифера имеетца довольно». По его распоряжению 26 июля 1723 г. В. Н. Татишев прибыл на Пыскор строить новый медеплавильный завод. «За некоторым помешательством и не-вспоможением от воеводы людьми» завод был восстановлен только в следующем году с учреждением при нем Пермского бергамта (подчиненного обербергамту)¹⁹.

Григоровский рудник находился в горе над рекой Камой, при сельце Григоровском, от Пыскорского завода в 28 верстах. По описанию В. де-Геннина: «Оной рудник горами лежит положением места, в состоянии флеса или шиферных руд флещ возвышение и упадение имеет от востока к западу, простираение от севера к югу. Шифер лежал толщиною неравною от 3-х и до 8 вершков, в содержании добротой от % и до одного фунта ис центнера, а между оным бывает и пустой шифер, не имея в себе содержания меди»²⁰.

Документ снимает имевшееся противоречие о месте побега рудознатца. Отправленный первоначально на Подволошный рудник, в следующем 1723 г. М. Волков переводится на Григоровский рудник восстанавливаемого Пыскорского медеплавильного завода, находящегося в ведомстве Пермского бергамта (отсюда в сообщении Костылева географическая привязка «в Перми»). Вероятно, нахождение в подмастерьях (направлялся «для науки к добыче руд») стало не по нраву Михаилу Волкову и он в этом же году сбегает с рудника. По «горячим следам» найти «доносителя о рудах» властям не удалось. В «Табели разных чинов...» уральских заводов за 1726 г. Михайло Волков не значится. Зато значится Савва Волков «из ученических детей»²¹. Кто он Михаиле (сам отправленный на рудник учеником) - однофамилец или родственник (сын)?

В 1734 г. в доношении на имя В. Н. Татищева Степан Костылев просил отпустить его в Приобье, где надеялся найти Михаилу Волкова, собрать «вольных людей» и вместе с ними отправится на поиски золотой убинской руды²³. Возможно, Михайло Волков после бегства с Григоровского рудника вновь добрался до верховий Иртыша, также, как и Костылев, рассчитывая найти «золотые чудские копи» и оправдаться перед властями. По крайней мере, нам известно о том, что близ Убинского форпоста в селе Секисовском в 1792-94 гг. проживала семья Изота Иванова Волкова, который, судя по возрасту, вполне мог быть внуком или племянником рудознатца Волкова. Известно также, что в ведомство Усть-Каменогорской крепости в 1759 г. из Омской крепости было прислано немало крестьянских семей, но Волковых среди них не было. Таким образом, Изот Иванов Волков поселился здесь раньше. Среди потомков Изота -

Александр Мелентьевич Волков²⁴. Не является ли известный сказочник, один из самых знаменитых наших земляков, потомком рудознатца? Реконструкция биографии Михаила Волкова продолжается...

Версия о происхождении Волкова из крепостных крестьян помещицы Селивановой становится совсем маловероятной. Из доношения Селивановой, написанного в 1724 г., следует, что её крепостной Михайло Волков занимался и занимается поисками руды именно в этом 1724 г., всего лишь не согласуя свою деятельность с волей своей помещицы²⁵. Следовательно, крепостной рудознавец Михайло Волков и сибирский рудознавец - два совершенно разных лица. Кроме того, если бы сибирский рудознавец имел какое-либо отношение к помещице Селивановой, она в своем доношении непременно бы указала на его столь длительное отсутствие, как минимум семь лет, с 1717 по 1724 гг. Проведенный нами поиск Михаила Волкова среди крепостных крестьян разных помещиков Селивановых в Ряжском уезде (относившийся в 1724 г. к Рязанской губернии Переяславль-Рязанской провинции) по переписи 1710 г. и по материалам 1-й ревизии (1719 г.) ничего не дал, не было обнаружено ни одного Волкова²⁶, что заставляет думать, не пыталась ли Фекла Селиванова причислить не принадлежащего ей человека в число своих крепостных. К тому же, среди этих крестьян ни один не назван по фамилии, что свидетельствует в пользу того, что крепостной крестьянин, особенно в устах помещицы, вряд ли мог именоваться фамильным прозвищем. Конечно, этот вопрос требует дальнейшего рассмотрения, например, кто такая сама Фекла Селиванова²⁷, не владела ли она землями на Урале и т. д., но то, что Михайло Волков не был крепостным крестьянином в Ряжском уезде, как утверждает автор статьи о Михаиле Волкове в Ряжской энциклопедии профессор Б. В. Горбунов~, совершенно очевидно.

Мог ли быть Михайло Волков из Красномысской слободы казачьим сыном? В принципе мог. Если предположить, что Михайло Аверкиев, прибыв в Коркину слободу, был записан в беломестные казаки. В том, что крестьяне записывались в беломестные казаки, нет ничего удивительного. В этот период все Приишимье страдало от набегов казахов. Мы знаем немало примеров, когда прибывшие из Зауралья крестьяне становились беломестными казаками. От остальных казаков их отличало то, что они не получали жалованье, только землю. Если Михайло Аверкиев Волков стал беломестным казаком Коркиной слободы Тобольского уезда, то сын его Михайло Михайлов Волков вполне мог считаться казачьим сыном Тобольского уезда и Г. Веймарн и В. Рожков не сильно ошиблись, назвав его тобольским казачьим сыном.

Обратимся к еще более глубоким корням рода Волковых. В Переписной книге Льва Поскочина по Красномысской слободе Тобольского уезда 1680 г. Михайло Аверкиев Волков не упоминается. Откуда же он мог прибыть в эту слободу. Ближайшими слободами были слободы того же Тобольского и Верхо-

турского уездов. Среди упоминавшихся Волковых в этих уездах в 1680 г. нет ни одного Аверкия, но в деревне Бабиновой ведомства Невьянской слободы Верхотурского уезда встречаются Замятия Аверкиев сын Бушуев и Неупокой Аверкиев, которые родились «в Устюжском уезде в Ехренской волости в деревне Алексине», поселились в Невьянской слободе, первый в 1661/62 г., а второй еще раньше - в 1653/54 г.²⁹ У Замятии Аверкиева сын Михаил 16 лет и зять Иван Корнилов. Можно предположить, что календарным именем Замятии было Михаил, и он идентичен Михаилу Аверкиеву из Красномысской слободы. Сын Замятии Михаил родился около 1664 г., его возраст никак не совпадает с возрастом младшего Михаила, но почти совпадает с возрастом самого Михаила Аверкиева. В крестьянской книге Невьянской слободы 1708 г. в той же деревне Бабиновой указан Никифор А.веркиев сын Замятнин с детьми Дмитрием и Денисом³⁰, который мог быть только сыном Замятии Аверкиева, родившимся после 1680 г., а не братом. Таким образом, получается, что календарным именем Замятии было Аверкий, по сути, он должен был называться Аверкием Аверкиевым, и соответственно, его сын Михаил - Михаилом Аверкиевым.

Как известно, жителям Невьянской слободы, основанной в 1621 г., было хорошо известно рудоискательское дело, недаром недалеко от нее на той же реке Невье возникает Невьянская Рудная слобода, а затем Невьянский завод (1702) (ныне г. Невьянск Свердловской области). Предки Останиных, Шелегиных и других рудознатцев проживали некоторое время в деревнях ведомства Невьянской слободы. Не исключено, что существовали целые династии рудознатцев крестьянского происхождения, которые активно занимались рудоискательством и плавильным делом в уездах Северо-Восточной России (например, Соликамском, как Тумашевы из Пыскорского монастыря) и которые постепенно передвигались в Сибирь, сначала в Верхотурский, а затем Тобольский уезды. Михайло Волков также мог быть представителем такой династии рудознатцев, связанной родством и с другими семьями, из поколения в поколения занимавшихся этой деятельностью. И наиболее весомым аргументом в пользу нашей версии происхождения Михаила Волкова является то, что все уральские и сибирские рудознатцы рубежа XVII - XVIII веков, происхождение которых нам известно, относились по своему сословному положению к государственным крестьянам.

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). I собр. СПб., 1830. Т. IV. № 1812. С. 75.

² Бородаев В. Б., Демин М. А., Контев А. В. Рассказы С. 65.

³ РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1493, л. 146.

⁴ РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1493, л. 135-135об.

⁵ История Алтая в документах и материалах. Конец XVII - начало XX века. Барнаул, 1991. С. 24.

- ⁶ РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1493, л. 147. В 1744 г. племянник Дорофея, Петр Иванов сын Веснин 70 лет жил в Чаусском остроге, рядом проживали сын Степана Костылева - Яков Степанов сын Костылев 50 лет, Иван Васильев сын Горбунов 75 лет, Федор Федоров сын Комаров 22 лет (возможно, сын Федора Комарова) и несколько Останиных, которые приходились Леонтию Останину двоюродными братьями и племянниками. ГАТО, ф. 264, оп. 1, д. 1, л. 177об., 192об., 195об., 196, 197.
- ⁷ РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1626, л. 398об., 399об.
- ⁸ Волковы были не единственными, которые заявляли, что родом они из таких-то мест, а оказывалось, что родились они в совершенно иных местах. Вероятно, под словами «родом» подразумевалось последнее местопребывание.
- ⁹ РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1499, л. 431об.; кн. 1525, л. 455.
- ¹⁰ РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1499, л. 434; кн. 1525, л. 462об. Возраст Семена явно завышен, старшему сыну Ивану указано 22 года, следовательно, самому Семену должно быть около 60 лет.
- ¹¹ РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1587, л. 797-822.
- ¹² Серебряный венец... С. 76-77, 309.
- ¹³ РГАДА, ф. 271, оп. 1, кн. 12, л. 136, 139, 139об.
- ¹⁴ Там же, л. 85-86 об.; Усков И. Ю. Кемерово... С. 31.
- ¹⁵ РГАДА, ф. 271, оп. 1, кн. 621, л. 85-86об.; Усков И. Ю. Кемерово: ... С. 31-32.
- ¹⁶ Открытие и начало разработки угольных месторождений... С. 87.
- ¹⁷ Серебряный венец... С. 310.
- ¹⁸ Малеев Л. Алтайский горный округ ... С. 20-21.
- ¹⁹ де-Геннин В. Описание Уральских и Сибирских заводов / пред. акад. Павлова. М., 1937. С. 540-543. Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 435. Сейчас село Пыскор входит в состав Усольского района Пермского края.
- ²⁰ де-Геннин В. Указ. соч. С. 545-546.
- ²¹ ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 9.
- ²² Там же, л. 30об.
- ²³ Малеев Л. Алтайский горный округ ... С. 20-21.; Бородаев В. Б., Демин М. А., Контев А. В. Рассказы С. 178.
- ²⁴ ГАТО, ф. 264, оп. 1, д. 8, л. 61; ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 63, л. 76-82; Краткое родословие Александра Мелентьевича Волкова следующее: 1. Изот Иванов Волков (р. ок. 1730). 2. Митрофан Изотов Волков (р. 1758). 3. Тимофей Митрофанов Волков (р. 1782). 4. Архип Тимофеев Волков. 5. Михаил Архипов Волков. 6. Мелентий Михайлович Волков. 7. Александр Мелентьевич Волков (р. 1891).
- ²⁵ РГАДА, ф. 271, кн. 99, л. 28об.-29.
- ²⁶ РГАДА, ф. 350, г. Ряжск 1 ревизии: кн. 238, 727, 2856-58, 2863, 2864, 2868, 2875; Ряжский уезд: кн. 238, 727, 2855-74, 2876.
- ²⁷ Она не указана в поколенной росписи: Селиванов А. Род дворян Селивановых // Труды Рязанской Ученой арх. комиссии. 1896. Т. XI. С. 73-105.
- ²⁸ Ряжская энциклопедия / гл. ред. Б. В. Горбунов. Рязань, 2002. С. 68.
- ²⁹ РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 697, л. 269.
- ³⁰ РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1519, л. 67об.